

Театр. Время. Поиск

БЕСПОКОЙНОСТЬ СУДЬБЫ

АКТЕРЫ — народ беспокойный. Их жизнь — удел вечных ищущих странников. У каждого своя география. Одни путешествуют от роли к роли, открывая новое, другие — из театра в театр, «познавая себя» в режиссуре. Немало путешествующих из города в город...

Мы, актеры, по своим творческим возможностям люди далеко не равноценные. Так что же влечет нас в этом бесконечном путешествии? Маленькие человеческие слабости — тщеславие, жажда успеха? Тогда почему на небольшое число избранных — тысячи неизвестных, которых и в мыслях не приходит порвать с театром? Наш брат актер, я в это твердо верю, несмотря на распространенное мнение об актерской корысти, движем в первую очередь творческим беспокойством за свое искусство, а следовательно, и за искусство театра в целом.

Так сложилось, что у меня за короткое время произошло много событий в творческой и человеческой жизни. Я ушел из Театра Советской Армии, пришел во МХАТ. Затем, будучи актером МХАТ, возглавил Театр имени К. С. Станиславского, но спустя довольно короткое время вынужден был оставить этот пост... У иного, читающего мои горькие признания, может сложиться впечатление легкомысленности моих поступков. Но, пожалуй, прежде чем осуждать, необходимо понять мою духовно-творческую тоску...

Двадцать лет тому назад моя актерская судьба складывалась на зависть удачливо. И не только в театре, которым руководил отец — Алексей Дмитриевич Попов, но и в кино. Вот тогда и появилась статья Н. Велиховой, в которой высказывалась беззастенчивость по поводу моих последних ролей, дальнейшей судьбы.

Проще всего было бы, прочитав статью, отмахнуться и гордо выхаживать по театру несправедливо обвиненным человеком. Но произошло нечто совсем иное. Автор каким-то неведомым мне чутьем сумел понять и высказать ту тревогу, которая подспудно волновала и меня. Отец, прочитав статью, сказал: «Я могу подписаться под каждым словом».

Во многом благодаря той статье я стал серьезно задумываться о том, что мною уже сделано. И я благодарен тому, что критик поставил этот вопрос. Ведь не секрет, что сегодня не всем хватает мужества говорить о проблемах творческого спокойствия, сытости, которые вдруг обнаруживаются у молодых, когда они становятся «популярными».

Мне кажется, одна из причин нынешнего периода исканий театра нередко заключена в утрате доверия зрителя. Ведь порой мы видим, что оно завоевывается средствами, не требующими особой отдачи души и сердца. Вот и получается, как поют в одном старом водевиле: «И процветает наша сцена». Пусть так, но зритель-то, повеселившись вдоволь, остается к театру равнодушным...

Наверное, у каждого актера наступает такой момент, когда начинаешь замечать, что от роли к роли в чем-то повторяешься. А

тем более, когда еще и сам ставишь спектакль. И вот в один такой момент я ощутил острую потребность в более требовательном взгляде со стороны. Хотя особых поводов для беспокойства и не было — зритель принимал мои работы по-прежнему хорошо, критика была более чем добродушна... И несмотря на это, я принял решение уйти из Театра Советской Армии, хорошо понимая, что тем самым причиняю боль своему коллективу, дому, взрастившему меня. Но так уж устроена наша жизнь, что дети неизбежно покидают отчий дом.

Многие считают, что я поступил эгоистично. Но разве в противном случае, оставаясь в театре и не предлагая коллективу творческого движения вперед (что греха таить, многие «играющие тренеры» так и делают), самолюбиво насаждая топтание на месте, не поступил бы я более эгоистично? Причем не столько во вред себе, сколько во вред театру. Как мне кажется, из двух зол я выбрал меньшее.

Приход во МХАТ к такому интересному, ищущему художнику, как Олег Ефремов, стал в моей жизни событием чрезвычайно важным. Многие удалось переосмыслить в творческом плане, обрести, что называется, второе дыхание, вновь поверить в свои силы... Встряска в жизни актера — явление крайне необходимое. Мне кажется, что «охота к перемене мест» посетила не только меня одного, а многих ведущих актеров театра и кино. Вот только почему у общественности она вызывает какое-то настороженное отношение и даже недовольство, иронию, нездоровый интерес?

Сложный путь из одного театра в другой проделал Евгений Леонов, который весьма успешно работает в кино и тем не менее остается предан поиску, эксперименту. Однако эта преданность вызывает недоумение: «Евгений Павлович, Вы уважаемый актер, в кино много снимаетесь, бросьте Вы эти эксперименты».

А разве не в этом же духе звучат упреки в адрес последних актерских и режиссерских работ Михаила Ульянова? Ричард, Степан Разин, Гайдай показали незаурядный, вдохновенный талант Ульянова... Разве тут может быть два мнения?

А как был встречен резкий поворот к острой характерности у Олега Табакова. Опять недоумение и непонимание...

ПОИСК — процесс сложный, и новые краски не сразу находят свое место в палитре мастера, но само стремление к обновлению — радостно и желанно.

А как сложно оценивается работа того же Олега Табакова о подготовке театральной смены... В качестве аргументов звучит все то же: «Олег Павлович, Вы талантливый актер. Ну зачем Вам заниматься пустяками? Играйте себе на здоровье». А ведь Табаков практикой, а не обещаниями доказал жизнеспособность своей студии, ее перспективность в подготовке актерской смены.

В записных книжках отца несколько страниц посвящено «студийному вопросу». К нему как руководителю театра обратилась группа молодых актеров, неудовлетворенная современным положением вещей в театре, главным образом в вопросах творческого роста и становления творческой индивидуальности актера. «Якорь спасения» они видели в идее организации студийного театра. Вместе с Марией Осиповной Кнебель отец долго обсуждал проблему, и все же... На полях тетради стоит помета: «Не надо забывать, что не было студий, в которых не было бы хорошо первые две недели...» Необходимость решения

вопроса отпала сама собой спустя две недели...

Но ведь студия Табакова существует уже лет семь, и у нее есть конкретные результаты — афиша насчитывает шесть названий, от зрителей нет отбоя. И несмотря на это, студийного профессионального театра нет, хотя все его актеры имеют высшее образование, а единственное, что им могут предложить, — это работать как... самодеятельному коллективу.

Я так подробно остановился на этом вопросе, потому что забота об актерской смене — это тоже творческий поиск и к тому же ориентированный в будущее. Жаль, если он так и не состоится... Вопрос в общем-то пока открыт, и не поздно еще поправить верное, нужное дело, а пока «Современник» потерял еще одного художника...

К сожалению, можно привести немало примеров, когда творческий поиск художника воспринимается как «измена себе», как ошибка. Но по-моему твердо убежденно, в искусстве театра лежит только путь самодовольства и творческой успокоенности. В преодолении уже найденного, созданного видится мне истинное развитие искусства. Мне самому довелось пережить, правда, не только как актеру, это самое непонимание, какую-то близость нового... Вот почему, говоря об уходе из театра Станиславского, где некоторое время был главным режиссером, подчеркиваю, что я вынужден был изменить свое решение.

Когда вместе с режиссерами А. Васильевым, И. Райхельгаузом и Б. Морозовым мы только пришли в театр, то были движимы стремлением к поиску в рамках традиций реалистического искусства. Перед собой и актерами поставили задачу возродить на сцене живой творческий процесс.

Жаль, что, доверив, нам не поверили до конца. Жаль, что нам не дали воплотить мечту о «возрождении театра на улице Горького». Что ж, быть может, это получится у кого-то другого. Хотя сказать, что мы ничего не делали, было бы просто нечестно. Ведь несмотря на инерцию части труппы, с которой мы столкнулись с первых шагов, нам все же удалось расшевелить тех, кто способен на творческий порыв, — были организованы просмотры самостоятельных работ, представлена возможность дебюта молодых актеров. Кстати, и тут не обошлось без упреков...

А началом, серьезной пробой в этом направлении стал спектакль «Первый вариант «Вассы Железновой». Он вызвал, с одной стороны, неподдельный интерес у зрителя, обнадежил театральную общественность возможностью возрождения театра, практика которого долгое время противоречила высокому имени Станиславского. С другой стороны, проявилось беспокойство и настороженность, не говоря уже о том, что некоторые «горьковеды» возмнили себя истинной в последней инстанции и выразили полное неприятие «Горького на улице Горького».

В принципе мы были готовы к этой неоднозначности, но, право же, не ожидали такого резкого поворота в оценке наших начинаний. Жаль, что на практике ремесленность подчас бывает предпочтительней, ибо так спокойнее жить. Иногда и зритель привыкает к штампу, хотя и зрители, и руководители на словах всегда выступают за «живой» театр, за поиск, за риск, без которых нет движения в овладении художническим единомыслием в искусстве. Стоит только выйти за рамки привычного в решении спектакля, образов героев, распределении ролей, как начинается «циркулярная возня».

И как тут не вспомнить дорогие сердцу слова из доклада Леонида Ильича Брежнева на XXV съезде КПСС: «Партийный подход к вопросам литературы и искусства сочетает чуткое отношение к художественной интеллигенции, помощь в ее творческих поисках с принципиальностью. Главным критерием оценки общественной значимости любого произведения, разумеется, была и остается его идейная направленность».

Иной зритель негодует, находясь под властью штампов, стереотипа, ссылаясь на ранее виденный спектакль.

Вот и «Первый вариант «Вассы Железновой», поставленный Анатолием Васильевым, многие воспринимали сквозь призму широко известной постановки Малого театра с Верой Пашенной в главной роли. Но то был спектакль, созданный по второму, переработанному Горьким по чьей-то просьбе варианту, который сегодня, на мой взгляд, уступает первому и в художественном, и в идейном отношении.

Наша попытка открыть в пьесе Горького современное звучание, затронуть острые нравственные и социальные проблемы, к сожалению, не нашла понимания. Одним словом, мы пожинали издержки доступности театрального искусства. В этом сыграла свою роль и самодеятельность — все играют, но ведь это еще не дает оснований для советов — что верно, что неверно, как надо играть.

Мне вспоминается творческий вечер на телевидении Андрея Миронова, который очень остроумно сказал по этому поводу: «Вы представляете, что бы мне ответил камешник, если я бы ему сказал, что он неправильно кладет кирпичи?» Но мы-то не камешники, но, право же, иной раз, читая «циркуляр», как класть кирпичи, так и хочется им стать...

ДУМАЕТСЯ, что к искусству театра надо относиться, как к науке. Впервые эту науку создал К. С. Станиславский, ей отдал всю жизнь, весь свой сценический опыт, уводя профессиональный театр от дилетанства, штампов, ремесленничества, конъюнктуры. Почему в ядерную физику не лезут кому не лень с советами и указаниями, а в театр, в сложный, трудоемкий процесс создания образа на основе переживания вменяются достаточно бесцеремонно? Зато в вопросах, где действительно нужна помощь, руководство театров не проявляет должного внимания и горения.

Так до сих пор не сложилась судьба того же Анатолия Васильева, поставившего уже несколько спектаклей, которые привлекли внимание общественности. Он ушел из театра, его приглашают на постановки, но настоящего дела, о котором мы мечтали еще в ГИТИСе, у него нет. И как в дальнейшем можно надеяться на полноценное раскрытие таланта, когда человек постоянно ощущает избыток, временность своего существования?

Как бы ни были неисповедимы наши творческие пути, какие бы препятствия, осложнения, длительные паузы ни приходилось переживать, главное в творчестве — это твое искусство, то, что ты несешь людям, твое мировоззрение, страстность сердца. Перелистывая записки отца, я натолкнулся на очень точное, близкое мне понимание театрального искусства: «Самое великое в искусстве — это сила чувств, темперамент творческого порыва, а потом уже упорное длительное одоление замысла. А когда нет темперамента, творческой мысли вначале, а есть только упорное и длительное осуществление вялых творческих представлений, то в результате получается только квалифицированное произведение искусства, но не обжигающее, не разжигающее, а только поучающее, назидательное, а такие произведения в искусстве всегда не убедительны, не долговечны и случайны».

Мне бы очень хотелось, чтобы беспокойная судьба почаще одаривала актеров созданиями долговечными, озаренными высокой духовностью.

Андрей ПОПОВ,
народный артист СССР.